

ВАЛЕРИЙ
КОТЕЛЕНЕЦ

РУКОПИСЬ

Барнаул, 2015

Эта книга вышла в рамках
краевого издательского
конкурса

Валерий Котеленец — поэт, прозаик, наставник молодежи — в кругу литераторов Алтайского края занимает особое место. Он ушел из литературы, не делая громких заявлений, не хлопая дверью, ушел по-английски. По его собственным признаниям, автор замолчал как поэт после демонтажа СССР, эмоционально выгорел — если верить его собственным скучным рассказам. В девяностые и нулевые годы Котеленец издал несколько прозаических книг и итоговую — тонкую книгу стихов (2001); после нее в печати появилось всего несколько стихотворений.

Судьба Котеленца как советского писателя, напротив, вполне типична. Впервые он был допущен в официальную печать в 1985 году — в коллективном сборнике «Встреча» вышли его ранние стихи. Формально биография автора укладывается в прокрустово ложе «поколения дворников и сторожей»: сочиняя неподцензурные, «упадочные» стихи, по сути глубоко аполитичные, но лишенные казенного оптимизма и бодречества, Котеленец закрыл себе дорогу в официальные, толстые журналы и государственные издательства СССР. В том давнем сборнике — выжимка, абрис: стихи о детстве, пейзажная лирика, тексты памяти матери.

Идиостиль Котеленца — сплав прозаизмов и романтического словаря Серебряного века. Он — прилежный ученик и почитатель Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского — не чуждается романтических штампов, рассуждений о «Земле и небе». Его лирика условно может быть названа философской. Поэтическое наследие Котеленца немногочисленно. Себя, автора 1970–1980-х, он атtestует как «прилежного рифмователя банальностей и пустяков», и сохранил, не переоценил из обширного корпуса текстов около 20 стихотворений.

Новая книга «Рукопись» — попытка опровергнуть миф о неписании. Избранное, где Котеленец опубликовал горстку стихов, набросанных после 2001 года. Они ничего не добавляют к образу автора. Ему свойственно трагическое мироощущение, лирический герой — серъезен, сух, не чужд культурологических игр. Христиане-ортодоксы не согласились бы с трактовкой образа Лазаря и сказали, что поэт большой путаник. Но он подлинный лирик, и его избранное — это путешествие в послесмертие. Это трагический голос одиночки, не желающего шагать в ногу со своим веком и мыслить позитивно.

Константин ГРИШИН

МИХАИЛ
ГУНДАРИН

ЯВЛЕНИЯ

Барнаул, 2015

Новую книгу Михаила Гундарина составили стихи последних трех-четырех лет. Автор работает параллельно в двух непересекающихся направлениях — пишет верлибром «истории» и разрабатывает романтическую поэтику. Книжка компактная, в ней 30 страниц. С одной стороны, Гундарин пишет мало, с другой, — ему необходимо через печатный станок освобождаться от написанного и переходить к новому этапу творческого существования. Михаил — мастер летучего портрета, напоминающего карикатуры на стенах английских пабов:

Он кедровые ложки режет
И ругается тяжким матом,
Ходит, курит в майке несвежей,
И глаза его — две гранаты.

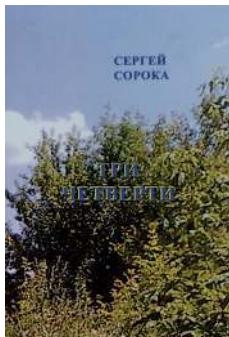
Какая эйфория и открытия, крутые маршруты могут быть после сорока пяти? Хорошее, ровное

настроение — уже благо. Гундарин верен идеалам литературной юности — напевным, романтическим ритмам, на которые с годами наслаждалась сновидческая поэтика метареалистов. В верлибрах — он вполне реалист. Недаром в одном из интервью автор говорил, что видит себя, как лодку с отсеками: «журналист», «политолог», «телеведущий», «поэт», «прозаик». Внутри поэта тоже есть отсеки, продолжается эксперимент, плавятся в тигле поэтические слова — всегда по разным рецептам. Наблюдать за этим интересно, но немного грустно — читательская душа жаждет сотворчества, авторской цельности. Мы же наблюдаем скорее эквилибристику, фокусы — но на высочайшем уровне. Поэтому чувство благодарности после чтения перевешивает остальные соображения.

Константин ГРИШИН

СЕРГЕЙ
СОРОКА

ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Барнаул, 2015

Сергей Сорока основательно, хоть и виртуально, вжился в роль Пушкина, несколько десятилетий назад отпустив кокетливые бакенбарды. Труд его не пропал даром — в «Алтайской правде» вышла юбилейная статья, где Константин Сомов осторожно легализует литературное реноме плодовитого автора. В 2015 году наш герой выпустил две книги: «Аэроклубу — 80» (стихи об авиации) и итоговый сборник «Три четверти». Не могу понять только, почему статья посвящена его 70-летию (Сорока рожден в 1940-м).

Сергей Сорока настырно, как индийский факир, внушал высшим силам свое желание войти в литературу. В стихах он через слово называет себя Поэтом — непременно с большой буквы, уважительно. Борется с неверными, мелькает в прессе, читает Мандельштама и легко, озорно слагает свои куплетцы. Несомненно одно: сочиняя более полувека стихи, невольно приобщившись к поэзии. То лукавые, то детски наивные строки, пейзажная лирика — в этом ложноклассическом корпусе текстов можно наковырять несколько горстей изюму — крепкие образы, точные характеристики. В целом рифмы Сороки банальны, самоидентификация плавающая, хлестаковская — но почему-то он вызывает симпатию: как человек поживший, не злой. И действительно имеющий небольшое лирическое дарование.

*Ты прости нас, родная странонка,
Что покинули ясную грусть,
Где черемуха, словно иконка,
На нее я частенько молюсь.
И ветла, что засохла в печали, —
Изошла ты, однако, слезой.
Мы с тобою рассветы встречали,
Колыхался листочек резной,
В ясный день ты нас тенью ласкала,
Отражаясь в спокойной Оби,
Мы сквозь дебри прошли краснотала,
Исполняясь душевной любви.*

Константин ГРИШИН

АЛЕКСАНДР
ТИМОШЕНКО

ПРОВИНЦИИ ВЕКОВ

Барнаул, 2015

Александр Тимошенко по психотипу, несомненно, поэт, лирик, вы-казывания его эмоциональны, лиричны. Он один из сотен тысяч эпигонов Есенина, и это ему скорее в плюс. Минус: пренебрежение мастерством. Рифмы — банальны: обещаний — прощаний, круги — помоги, мгле — земле, звезд — погост, спешишь — молчишь, смешон — влюблен. Стихи напоминают опыты Юрия Полякова, который, издав четыре сборника солдатской, любовной и комсомольской лирики, бросил поэзию, устав от лжи, подмен и конъюнктуры, попросту устав придуриваться поэтом. В текстах Тимошенко попадаются и явные нелепости:

*Помнишь, в окнах твоих занавески
Отражались в вечернем пруду.*

Воля ваша, я не могу себе этого представить, разве что пруд находится в метре от окна.

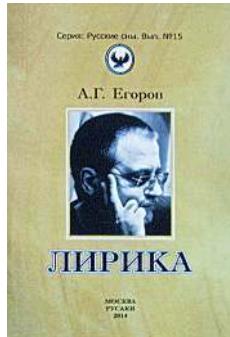
Пейзажная, любовная, деревенская, военная, патриотическая лирика — это тренд 1960–1970-х — время юности автора, ее условности Александр понимает хорошо. Его стихи ничуть не хуже сотен тысяч подобных с портала «Стихи.ру». Их можно петь под гитару и даже прославиться на Грушинском фестивале. Однако Тимошенко верно чувствует, что с его способностями стихами он никого не удивит, и пробует себя в прозе — в журнале «Барнаул» публиковал ее под псевдонимом Александр Ильин. «Провинции веков» — книга не выдающаяся, но милая, приятная, как бабушкины занавески и подушки горочкой. И у нее могут найтись в Барнауле поклонники:

*Не рвите георгины в сентябре!
Пускай они красуются в надежде,
Что лето возвратится и, как прежде,
Они согреются на утренней заре.*

Константин ГРИШИН

АНАТОЛИЙ
ЕГОРОВ

ЛИРИКА

Москва, 2014

На литературном портале Общелит.ру Анатолий Егоров как-то написал: «Поэзия говорит о банальных вещах, но не банально». А что есть «банальность»? Слово это происходит от французского «banal» — «обыкновенный», корень «ban-» обозначает «изгнание, отлучение», то есть то, что характеризует полную меру объявления вне закона. Истинный романтик — это всегда персонаж «вне закона», тот, кто добровольно изгнал себя из скучельного мира в мир горний. И в этом плане, Егоров как автор действительно «банален». «Все мы здесь цыгане...», — пишет он в своем стихотворении с не-посредственным названием «Юность». Достойная романтическая строка. Цыгане — образ перекатности, нестабильности, незакрепленности на земле.

Само именование сборника стихотворений — «Лирика» — в своей простоте говорит либо о бесконечной наивности автора, либо о его абсолютной уверенности в силе своего слога. И то и другое — признаки истинного романтика в его стремлении познать и подчинить мир вокруг себя.

*Строй, плотник, свой корабль, дерзай!
Вгрызайся
железом острым в дерево, как крот.
Жизнь коротка, поэтому старайся
окончить труд. Останься без забот,
когда в своей ладье Харон усталый
твой прах причалит к дальним берегам.*

Легкий налет гностицизма в текстах Егорова, по всей видимости, если не аллюзия, то дань уважения «проклятым» поэтам, строки одного из которых он приводит в качестве эпиграфа к своему стихотворению:

*Средь необозримо
Унылой равнины
Снежинки от глины
Едва отличимы.*

(П. Верлен)

Хотя, на деле, стихи Егорова ближе, скорее, к русскому Серебряному веку, нежели к европейским литературным опытам. Просто сравним:

*Aх, доведись хоть сотню лет
бродить пустынею угрюмой,
на будущего тусклый свет
взирать, перебирая струны, —
готов...*

(А. Егоров)

*Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

(А. Блок)

Только если в строках Блока наблюдается полная обреченность, то у Егорова имеет место некое смиренение с бытием, что, надо сказать, не совсем подходит для выбранного им литературного направления.

С Буниным у Егорова, вообще, наблюдается почти абсолютное сходство. Практически к каждому егоровскому творению можно подобрать бунинские стихи так, чтобы составить вполне достойный центон. Например (где чьи строки уточнять не буду):

*Светло и сухо в солнечном лесу.
Изнемогая от вселенской лени,
изломанный паук в тепле осеннем
плетёт своё коварство на весу.*

*Тепло и влажный блеск. Запахли мёдом
ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи,
Беспечно иволги болтают.*

Подобная поэтическая грамотность (спонтанная или тщательно выверенная — не важно), несомненно, делает честь Егорову как автору, но отнюдь не извиняет ненадлежащий уровень знания родного языка.

*Пусть тусклой вечности река
не будет больше расстоянием,
что нас разлучит! Навсегда
всё бывшее да будет с нами!
Пусть светит нам одна звезда,
не высказанные словами.*

Автор неправильно ставит ударение в слове «разлучит». В другом стихотворении он забывает обособить запятыми оборот «словно в бреду». Может быть, кто-то сочтет все это мелочами, но, на самом деле, это говорит лишь о том, что книге жизненно необходима адекватная редактура. Подлинная классика становится образцом для подражания и ориентиром орфографической зоркости не из-за всеобъемлющих знаний автора (ни для кого не секрет, что многие русские классики писали, мягко говоря, не совсем грамотно), но, скорее, благодаря тщательной редакторской правке.

Из прочих огехов автора отмечу лишь эти строки:

*Твой голос, сиявший во мне
бесподобием черт,
живой и тревожный, зовущий вослед
за собою,
был так же настойчив, как то,
что зовём мы судьбою...
И всё же безгласен, как сербское слово
«смрт».*

Логика, конечно, не лучший друг романтично настроенных любителей парадоксов, но что здесь значит «голос безгласен»? И какую функцию выполняет подобный оксюморон? Это выглядит так же нелепо, как обороты «волос безвластен» или «глаз безглазен». Все же, на мой взгляд, это уже перебор.

Из удачных поэтических находок отмечу уже упомянутый выше стих «Все мы здесь цыгане...», а также строфу из красивого диалогичного стихотворения:

— А если там, за кромкой дна,
средь немоты и тьмы,
не будет нас?
— На что ж пенять?
Коль нет тебя и нет меня, так,
значит, вместе мы...

«Банально», — скажет кто-то? Мы уже говорили про банальность вначале. Стихотворение, действительно, сильное, добротное. Напоминает знаменитую «Балладу о прокуренном вагоне» Александра Кочеткова.

Подводя итог, позволю себе заметить, что в случае с Анатолием Егоровым мы имеем дело с настоящим лириком, в самом аутентичном смысле этого слова, но право называться классиком автор еще, видимо, не заслужил. Есть грехи, есть недоработки. Именно недоработки. Какой вывод? Надо доработать.

Николай ПОЛОВИНКИН

ВЛАДИМИР
ПАСЕКА

В ЭТУ ЯСНУЮ НОЧЬ

Барнаул, 2015

Три года назад автор этих строк назвал Пасеку «не последним поэтом деревни». Новая книга автора тематически близка его ранним сборникам. Ни настроение автора, ни круг его интересов не изменились. Он типичный выходец из небольшого села, которого мучает деревенская ностальгия, который использует детские и юношеские впечатления как материал, давно превратившись в жителя мегаполиса. Впрочем, и Иван Бунин, живя на вилле в Грассе, писал преимущественно о дворянских гнездах — нет в этом ничего необычного.

На минувшей неделе
Умер Федя-немтырь.
От беды потемнели
Огород и пустырь.
Все село провожало,
Наревевшись с утра.
Потому как немало
Сделал Федя добра.
Обрезными витками
Петушков рассыпал.
Говорил-то руками,
Языком не трепал.

(Владимир Пасека)

Ритмически, тематически это почти Рубцов:

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чём говорит?

Пасека снабжает стихи эпиграфами, в любовной лирике ориентируется на Блока, умея колдовским способом банальность рифм искупить лирическим накалом и благородством поэтической сверхзадачи:

Налетела волна, закружила
И задор мой бесследно погас...
В однажды меня поглотила
Глубина роковых твоих глаз.
И счастливые канули ночи
Той далекой холодной весной!
Сокрушили их властные очи
Ненасытной своей глубиной...
Так пои же, пои меня ядом
Обжигающих горечью глаз —
За любовь мою, ставшую адом,
И дожди, разлучившие нас.

Книга «В эту ясную ночь» — это камерная лирика, автор подкупает своим благородством, цельностью, тем, что не пытается писать на заданные темы. Его стихи ничем не напоминают мозаичные упражнения дельцов от литературы. Скромное место в истории сибирской литературы он непременно займет.

Константин ГРИШИН